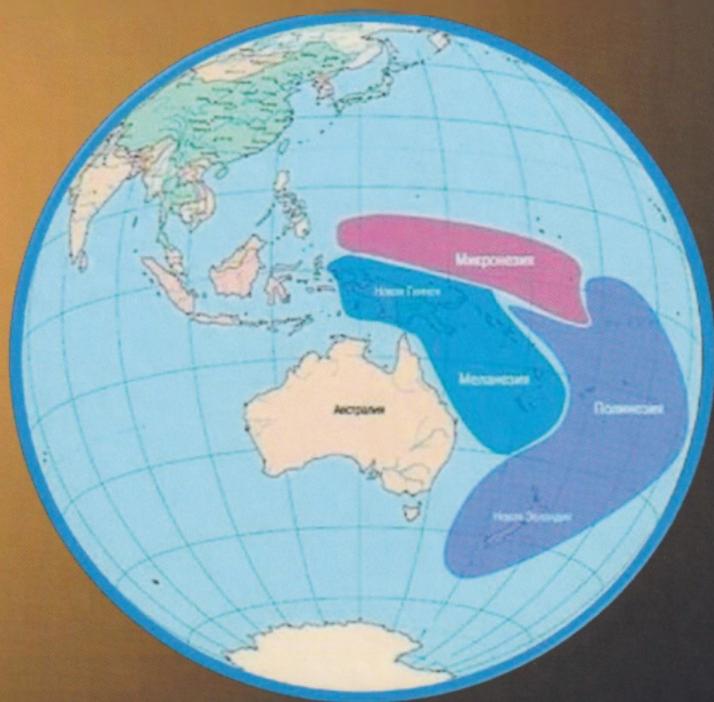


ЮЖНО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН
В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ
Том 2.



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Том 2

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2021

УДК 327

ББК 66.4(5)+66.4(7)+65.5

Ю19

Ответственный редактор, составитель:

к.культурол. Д.С. Панарина (ИВ РАН)

Рецензенты:

к.и.н. Е.М. Астафьева (ИВ РАН), д.и.н. Н.П. Малетин (МГИМО)

Коллектив авторов:

*А.В. Антошин (УрФУ) А.А. Гарин (ИВ РАН), Е.В. Говор (АНУ),
Е.С. Корнев (СНИГУ), Д.С. Кочетков (ИВ РАН),
А.Я. Массов (СПб ГМТУ), О.В. Мосолова (ИВ РАН), М. Поллард,
С.Е. Пале (ИВ РАН), Е.В. Рудникова (ИИАЭ ДВО РАН),
Н.С. Скоробогатых (ИВ РАН), О.Д. Суворова*

*Утверждено к печати Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

Ю 19 Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем.

Том 2. : (Коллективная монография) / отв. ред. и сост.
Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН,
2021 – 386 с.

ISBN 978-5-907543-02-7

Данное издание – второе крупное печатное издание в формате коллективной монографии, посвященное Южно-Тихоокеанскому региону (ЮТР). Коллектив авторов – в их числе как уже состоявшиеся ученые, так и молодые специалисты – освещают проблемы внутренней, внешней политики, экономики, социальных процессов, научного, образовательного и культурного мира стран ЮТР, к которым традиционно относят Австралию, Новую Зеландию и целый ряд более мелких островных государств, известных под общим именем стран Океании.

ББК 66.4(5)+66.4(7)+65.5

ISBN 978-5-907543-02-7

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

СТРАНЫ ЮТР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1. Подходы ведущих государств-членов НАТО к развитию отношений со странами ЮТР в XXI в.
(Е.С. Корнев)..... 18

Глава 2. Подходы к определению и основные внешне-политические стратегии Австралии как средней державы
(А.А. Гарин) 38

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Глава 3. Клайв Палмер: бизнес в политике Австралии
(Н.С. Скоробогатых)..... 58

Глава 4. Австралия в системе международных торгово-экономических отношений
(О.В. Мосолова) 130

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Глава 5. Российский генеральный консул в Мельбурне
М.М. Устинов
(А.Я. Массов, Марина Поллард)..... 154

Глава 6. Иммиграционная политика Австралии второй половины 1940-х гг. – начала 1950-х гг. в современной национальной историографии
(А.В. Антошин) 175

Глава 7. Приступая к изучению маори: немного истории, образ жизни и некоторые важные понятия
(Д.С. Кочетков)..... 191

<i>Глава 8. К вопросу о восприятии языка коренных жителей Новой Зеландии русскими во время ранних русско- маорийских контактов</i> (О.Д. Суворова).....	214
<i>Глава 9. Социальные реформы в Новой Зеландии конца XIX - нач. XX вв. глазами россиян</i> (Е.В. Рудникова)	234
<i>Глава 10. Роль контакта с народами Австралии и Океании в истории ранних русских экспедиций</i> (Е.В. Говор).....	266
<i>Глава 11. Первые российские кругосветные экспедиции начала XIX в. и освоение Океании</i> (С.Е. Пале).....	294
<i>Abstract</i>	341
<i>Библиография</i>	349

CONTENTS

<i>Introduction</i>	7
---------------------------	---

SOUTH-PACIFIC REGION STATES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Chapter 1. Approaches of the Leading NATO Member-States to the Development of Relations with the Asia Pacific Countries in the 21st Century</i> (Evgeny Korenev)	18
<i>Chapter 2. Approaches to Defining and Main Foreign Policy Strategies of Australia as a Middle Power</i> (Artyom Garin)	38

POLITICAL, ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Chapter 3. Clive Palmer: Business in the Australian Politics</i> (Natalya Skorobogatykh)	58
<i>Chapter 4. Australia in the System of the International Trade and Economic Relations</i> (Olga Mosolova)	130

CHAPTERS OF HISTORY

<i>Chapter 5. Russian Consul General in Melbourne Mikhail Oustinoff</i> (Alexander Massov, Marina Pollard)	154
<i>Chapter 6. Australian Immigration Policy at the Second Part of the 1940s - the Beginning of 1950s in Contemporary National Historiography</i> (Alexey Antoshin)	175
<i>Chapter 7. Starting the Maori Studies: A Little Bit of History, Their Everyday Life, and Some Important Terms</i> (Dmitry Kochetkov)	191

Chapter 8. On the Question of the Perception of the Indigenous Language of New Zealand by Russians during Early Russian-Māori Encounters (Olga Suvorova)	214
Chapter 9. Social Reforms in New Zealand in the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries by the Russian Spectacles (Elena Rudnikova)	234
Chapter 10. The Role of Contact with the Peoples of Australia and Oceania in the History of Early Russian Expeditions (Elena Govor)	266
Chapter 11. The First Russian Round-the-World Expeditions of the Early 19th Century and the Exploitation of Oceania (Sophia Pale)	294
Abstract	341
Bibliography	349

*Глава 10. Роль контакта с народами Австралии и Океании в истории ранних русских экспедиций**

Русские экспедиции, посещавшие в первой трети XIX века острова Океании и Австралию, внесли большой вклад в океанистику – они открывали новые земли, описывали коренных жителей, собирали коллекции. Однако история ранних русских экспедиций имеет еще одну важную составляющую: влияние контактов с коренным населением на поведение самих русских участников экспедиций и их восприятие нового мира. Рассмотрим роль этих контактов на примере нескольких экспедиций начала XIX века.

Бунт на Тихом океане

В этом плане уникальный случай представляет собой первая русская кругосветная экспедиция Крузенштерна и Лисянского, которая прославилась не только своими открытиями, но и противостоянием ее начальников – И.Ф. Крузенштерна и Н.П. Резанова. Этот вопрос давно занимает отечественных и зарубежных исследователей; в последние десятилетия на свет вышли разнообразные архивные материалы, которые позволяют проследить развитие конфликта во всех деталях, но один аспект этой трагической истории до сих пор остается за пределами внимания российских исследователей – почему кульминация конфликта произошла именно на острове Нуку-Хива. Как известно, эта экспедиция была детищем Крузенштерна.

* Сведения об авторе: *Говор Елена Викторовна* – доктор философии, научный сотрудник Колледжа Азии и Океании, Австралийский национальный университет, Австралия, Канберра. E-mail: elena.govor@anu.edu.au.

который и должен был стать ее командиром, но в последний момент к ней было добавлено посольство в Японию, возглавляемое камергером Николаем Резановым. В августе 1803 года сам император приехал в Кронштадт проводить экспедицию, отправлявшуюся в кругосветное плавание, которая теперь символизировала выход Российской Империи на международную арену, в Тихий океан, по стопам Кука и Лаперуза.

Восемь месяцев спустя, когда корабли экспедиции «Надежда» и «Нева» стояли в заливе Тайохае на Нуку-Хиве, произошел конфликт между Крузенштерном и Резановым, о котором Резанов впоследствии, уже с Камчатки, писал: «У меня на корабле взбунтовались в пути морские офицеры». Морякам же он угрожал: «Я бы здесь построил виселицу и повесил бы одного из вас»¹. К этому времени конфликт разгорелся настолько, что обе стороны – и сторонники Крузенштерна, и сторонники Резанова – были готовы бросить экспедицию и отправиться в Петербург, через всю Сибирь, в надежде доказать свою правоту перед императором. С большим трудом сторонам удалось примириться и продолжить экспедицию, но отзвуки 12 бурных дней, проведенных на Нуку-Хиве, еще долго не утихали. Художник экспедиции, Степан Курляндцев, покидая корабль на Камчатке, изрубил топором все что мог в своей бывшей каюте. Все его произведения, сделанные на Нуку-Хиве, бесследно исчезли. Его друг, русский натуралист Федор Брыкин, покинувший корабль вместе с ним, покончил с собой вскоре после прибытия в Петербург; его материалы также исчезли без следа. Лейтенант Петр Головачев, – первый русский, вступивший в контакт с нукухивцами, – покончил с собой на обратном пути на острове Святой Елены, и события на Нуку-Хиве фигурировали в его предсмертных письмах. Иеромонах Гидеон написал церковным властям донос на Лисянского

в связи с притеснениями его на Нуку-Хиве, донос, который по всей видимости положил конец карьере Лисянского. Научные споры о нукухивцах будут кипеть между Крузенштерном и натуралистами Г. Лангсдорфом и В. Тилезиусом. И наконец в 1826 году на Нуку-Хиву придет другой русский корабль, «Кроткий», под командованием Фердинанда Врангеля и в бою с островитянами потеряет четырех человек, которые станут жертвами каннибализма. Островитян в этом бою будет положено несчетно, а одного – шамана – русские захватят и привезут в Россию².

Как же получилось, что этот маленький тихоокеанский остров сыграл такую трагическую роль в русской истории? Была это случайность или, действительно, Нуку-Хива и ее жители повлияли на произошедшие события? Или, говоря более точно, повлиял ли нукухивский антураж на чисто русские причины конфликта? А их – русских причин – было предостаточно. Начать с того, что император и его приближенные отправили экспедицию с двумя инструкциями. Хотя первоначально Крузенштерн был назначен командующим экспедицией, после добавления к экспедиции Резанова инструкция Крузенштерна была дополнена параграфом о том, что торговые операции передаются под начало Резанова. Резанов же накануне отъезда получил новую инструкцию, которая недвусмысленно давала ему полную власть над всем и вся, что доходило до нелепости. Например, ему, сухопутному царедворцу, вменялось надзирать «за точностью в поверке хронометров и верным определением долготы мест»³. Возможно, составителям инструкции Резанов виделся как титулярный глава экспедиции, этакий свадебный генерал, который не будет ущемлять права капитана-командира. Может быть, они считали, что не помешает иметь лишнего контролера. Но скорее всего это была обычная русская

безалаберность в стиле «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Ведь назначение Резанова главой экспедиции шло вразрез с «Морским уставом», согласно которому на корабле полная власть может принадлежать только капитану. Второе нарушение состояло в том, что о полномочи-ях Резанова как главы экспедиции власти должны были официально известить и капитанов, и команду, а это не было сделано.

Чтение полутора десятка дневников и писем участ-ников экспедиции, в том числе личных, хранящихся в ар-хивах, невольно наводит на параллели с поездкой группы советских туристов на Запад в прежние времена, где Реза-нов выполнял функцию государственного контроля, вро-де сотрудника Первого отдела. Сохранилось чрезвычайно любопытное письмо приказчика Российско-Американ-ской компании Федора Шемелина, находившегося под началом Резанова, посланное из Бразилии, которое по су-ществу является политическим доносом: «Общество сих господ составили себе право кроме себя никого не ува-жать; непомерная надменность, тщеславие и грубость по мере отдаления нашего от Европы со дня на день увели-чиваясь превзошла наконец все меры ... [Они] осмелива-ются в присутствии его [Резанова] заводить такие материи между собою к разговору, которые заключают одни только хулы и не только на отечество, правительство и государей, но даже и на самого творца. По мнению их нет для них другого бога кроме парусов»⁴. Шемелин добавлял, что Крузенштерн эти свободололюбивые разговоры не пресекал. А вот немецкий натуралист Тилезиус жаловался, что Реза-нов требует «рабского послушания и уничтожает интел-лектуальную свободу»⁵. Более того, временами Резанов сам провоцировал опасные разговоры, копя сведения для доносов.

Такое поведение Резанова и некоторых членов его свиты вызывало все большее презрение у офицеров, которые не считали нужным его скрывать. И тут на сцене появляется резановская инструкция. Он неформально знакомит с ней Крузенштерна, а затем некоторых офицеров и следит за их реакцией. Слухи и страхи как раковая опухоль разъедают экспедицию, антагонизируют всех на борту, включая русских и иностранных натуралистов. Во время длительной стоянки в Бразилии обе стороны пишут многочисленные доносы в Россию. Но, что характерно, с русской надеждой на царя – барина, который приедет и рассудит, – открытой конфронтации все избегают.

И вот Нуку-Хива – тропический остров, куда корабли зашли за водой и провизией. Именно здесь, на восьмой день, и произошел взрыв. Непосредственным поводом к конфликту послужили ограничения Крузенштерна на использование железных изделий для обмена на маркизские артефакты, поскольку он надеялся выменять на них свиней. Резанов не удержался и оскорбил Крузенштерна на шканцах – святом месте у моряков – и впервые публично заявил о своих полномочиях в качестве начальника экспедиции. Офицеры потребовали показать им его инструкцию и когда Резанов наконец вышел на палубу и прочитал им царский указ, он, согласно его изложению в письме П.И. Кошелеву, «услышал хохот и вопросы:

– Кто подписал?

Я отвечал:

– Государь наш Александр.

– Да кто писал?

– Не знаю, сказал я.

– То-то не знаю, кричал Лисянский, – мы хотим знать, кто писал, а подписать-то знаем, что он все подписет.

Наконец все, кроме лейтенанта Головачева, подходили ко мне со словами, что я бы с вами не пошел и заключили тему: “ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенштерна”»⁶. Из своей каюты Резанов не решался выйти до прибытия на Камчатку, на русскую территорию. Из реплик, которые звучат, видно, насколько офицеры презирали официальную, чиновничью Россию, воплощением которой и являлся Резанов. А чего стоит заявление об императоре – какую бумагу ему не подsunут, он все подпишет.

Характерно, что на следующей стоянке, на Камчатке, произошло неискреннее примирение сторон, а затем в Петербург полетели новые доносы от двух лагерей, в общем русская история снова стала русской. Все это наводит на мысль, что Нуку-Хива была не случайным местом, в котором суждено было случиться русскому бунту. Здесь сошлись объективные причины с субъективными. Во-первых, местоположение острова – здесь возникало ощущение полной свободы от стальной руки государства. Во-вторых – жара: современному европейцу без кондиционера или хотя бы вентилятора днем там не выдержать, а страсти на шканцах «Надежды» разгорелись как раз около полудня.

Не менее важен был и субъективный аспект. Нукухивцы самим своим видом, как кажется, притягивали и пугали наших путешественников. На зрителя они производят двойственное, даже полярное впечатление. Так, представители западноевропейского крыла экспедиции сравнивали тела нукухивцев с классическими античными скульптурными формами (Рис. 1).

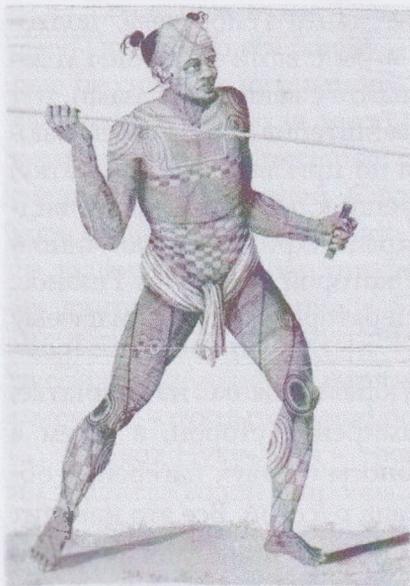


Рис. 1. В. Гилезиус (?).
Нукухивец, бросающий
копье⁷.

А вот образ, созданный по рассказам японских моряков, находившихся на борту русского корабля, уподобляет их японским монстрам, звероподобным воинам-кинжин (Рис. 2).



Рис. 2. Жители Нукухивы⁸.

К этому можно добавить, что Федор Шемелин, русский из Сибири, сравнивал жителей Нуку-Хивы с турками, грузинами или донскими казаками. Единственное, что объединяет эти три образа, – античная скульптура, японские чудовища и народы, соседствующие с русскими на южных окраинах России – это их воинственный характер.

Высокие, стройные воины, покрытые татуировкой, воины, подобные греческим богам, и то же время, дикие, жестокие людоеды, о чем наши путешественники узнали от двух живших на острове европейцев. В их дневниках и письмах переплетаются постоянные упоминания о нагих, татуированных телах, где каждый рисунок оттеняет мускул, ночные песни «людоедов», которые они потом сами имитируют, страх быть съеденными во время визитов на берег и замечания о том, как должно быть вкусно человеческое мясо (а на корабле они голодали) – все это дает прекрасный материал для размышлений о смятении умов и о конгруэнтности хомозротицизма и каннибализма. Добавим к этому, что сами путешественники оставались зажатými в свои суконные фраки и мундиры, и это при нукухивской жаре! Нукухивские женщины тоже повлияли на брожение русских умов, они устраивали сексуальную аэробику вокруг корабля днем и посещали корабль по ночам. Вот это притяжение нукухивских тел, где физическое переплеталось с метафизическим, было настолько сильным, что почти все участники экспедиции татуировались, т.е. приняли на себя личину «другого». Эта метаморфоза видна и в отношении к маркизским артефактам. Когда корабль подходил к острову, Крузенштерн предупреждал о жадности к европейским вещам, которая может быть у островитян, но настоящая борьба за приобретение маркизских артефактов развернулась на самом корабле. Участники экспедиции буквально вырывали друг у друга из рук желаемые трофеи, и самыми востребованными бы-

ли дубинки-головоломы, украшенные личинами богов, и пробитые черепа неприятелей, символ воинской доблести у нукухивцев⁹.

Несомненно, что в то время, как члены русской экспедиции писали и рисовали на бумаге, как это всегда и бывает, другая сторона – нукухивцы – тоже писала, и в прямом смысле, татуируя свои знаки на их коже, и в переносном – в их душах. Не случайно лейтенант Левенштерн записал в дневнике, покидая остров: «Таиохоэ мы так легко не забудем»¹⁰. Все это наводит на мысль, что, приехав сюда изучать «дикаря», участники экспедиции неожиданно почувствовали этого свободного «дикаря» в самих себе. Именно здесь, под влиянием нукухивцев и их мира, они испытали опьянение коллективной свободы и хотя бы на миг из винтиков государственной системы стали настоящими мужчинами-воинами, которые открыто принимают вызов врага.

Острова Дружественного приема

Контакты с коренными жителями влияли и на топонимы – названия географических объектов, которые участники русских экспедиций давали своим географическим открытиям. Это влияние можно проследить на примере наименований, данных экспедициями Отто Коцебу и Федора Литке¹¹.

Экспедиция Отто Коцебу в 1816–1817 годах открыла и картографировала целую цепь коралловых островов Радак (Маршалловы острова, Микронезия). Первоначально Коцебу следовал общепринятой модели присвоения названий, используя эпонимы – названия в честь выдающихся людей. Неудивительно, что свое самое главное открытие в этой группе – атолл Вотье – Коцебу назвал в честь спонсора их экспедиции графа Николая Петровича Румянцева. Однако характер присвоения топонимов

внутри самого атолла менялся по мере развития контактов с местными жителями. С большим трудом, рискуя жизнью, они вошли в большую внутреннюю лагуну атолла Румянцева через юго-западный проход среди полускрытых коралловых банок. Это событие было увековечено топонимом проход Рюрика, отражающем пережитый ими героический момент. С их собственным пребыванием в новооткрытой лагуне было связано и название гавань Рождества, данное в память об их празднике вдали от родины. Для небольших необитаемых островов, еще до контактов с местным населением, Коцебу использовал описательные названия: так появился остров Козий, где они оставили коз для островитян, и остров Птичий. Продвигаясь на восток, в более густонаселенную часть атолла, и установив первый контакт с островитянами, Коцебу меняет модель наименований: теперь он вообще не дает свои имена островам атолла, а наносит на карту три местных названия островов: Ормеди, Отдиа и Эгмедио, называя при этом всю северо-восточную группу островов этого атолла островами Дружественного приема, потому что жители были добры, миролюбивы и гостеприимны по отношению к русским мореплавателям.

Более того, на острове Отдиа Коцебу встретил островитянина по имени Лагедиак, который успешно обучал его местному языку. Как только Лагедиак понял, что Коцебу интересуется местонахождением других атоллов, он изобразил на песке карту, показывающую положение всех окружающих атоллов с помощью групп камней. Его карта была удивительно точной и привела Коцебу к многочисленным «открытиям». Лагедиак также показал Коцебу расположение еще двух проходов в атолле Румянцева. Не-

удивительно, что Коцебу увековечил помощь Лагедиака, назвав в его честь один из этих проходов в атолле (Рис. 3).

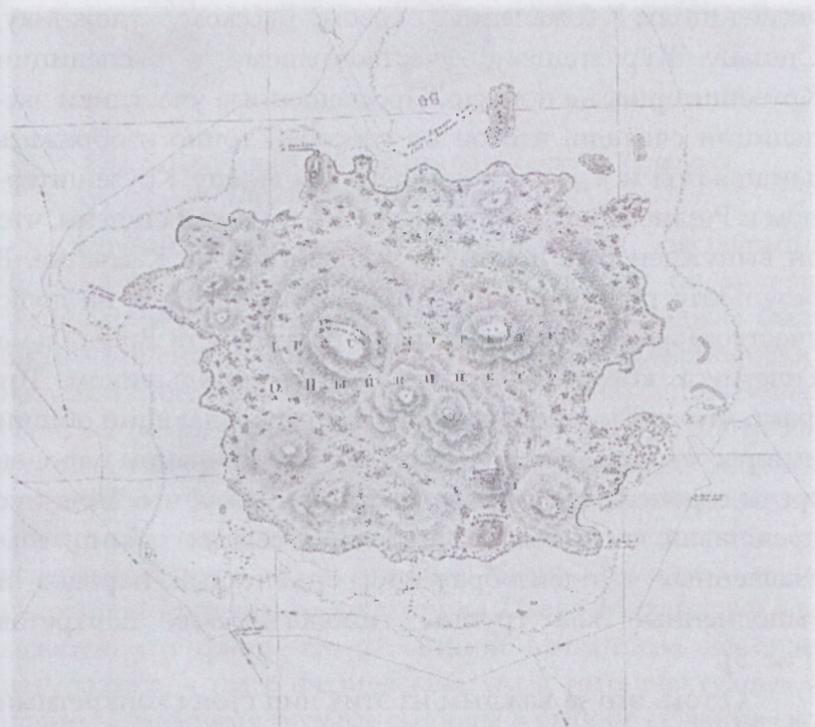


Рис. 3. Плоская карта группы коралловых островов графа Румянцева¹².

Таким образом, контакт с островитянами коренным образом изменил направленность эпонимических наименований, переориентировав ее со знаменитых иностранцев на островитян, оказавших содействие русской экспедиции.

С другой стороны, наименования Федора Литке на острове Понпеи (Понапе) на Каролинских островах в 1828 году представляли собой зеркальную реакцию на опыт Коцебу. Островитяне дважды препятствовали высадке его экипажа на открытый им остров, в результате чего на карте Литке появляется порт Дурного приема. Однако, несмотря на разочарование, вызванное неудачным контактом, он не стал прибегать к физическому насилию; вместо этого он покори́л враждебный остров топонимически,

назвав эту группу островов островами Сенявина в честь своего корабля и русского адмирала, прославившегося победой над турецким флотом в Эгейском море в 1807 году. Картографируя остров, он также наложил ряд топонимов Эгейского моря, связанных со славными победами Д.Н. Сенявина, на географические объекты острова Понпеи: так на карте появились Монте Санто, мыс Твердый (название корабля Сенявина), Тенедос и Башенка, напоминавшая крепостную башню (Рис. 4).



*Рис. 4. Плоская карта островов Сенявина
(Архипелага Каролинского)¹³.*

Надо сказать, что Литке относился с большим уважением к местным топонимам и везде, где он мог установить контакт с островитянами, он выяснял местные наименования и добавлял их к своим картам.

Русские художники в странах Южных морей

Воздействие, которое контакты с коренными жителями оказывают на восприятие, особенно зримо проявлялось в творчестве художников, участвовавших в русских экспедициях. К сожалению, первому русскому художнику, Степану Курляндцеву, участвовавшему в экспедиции Крузенштерна, не повезло. Просвещенные участники экспедиции считали, что он не способен точно изображать ландшафты и в связи с конфликтом между Крузенштерном и Резановым бойкотировали его до такой степени, что он вынужден был покинуть экспедицию на Камчатке. В результате роль художника экспедиции выпала на долю участвовавшего в ней немецкого натуралиста Вильгельма Тилезиуса, который был искусным рисовальщиком. Тот факт, что он был натуралистом, и преобладающий общий интерес к новой области расовой классификации народов среди европейских ученых, привели к тому, что Тилезиус представил виденные им народы в сериях таблиц, озаглавленных «Лицеизображения» различных народов и выполненные как группы типологических портретов (Рис. 5).

О том, что за каждым из этих лиц стоял конкретный человек, можно узнать только по его путевым наброскам, где некоторые из них упомянуты под своими именами.

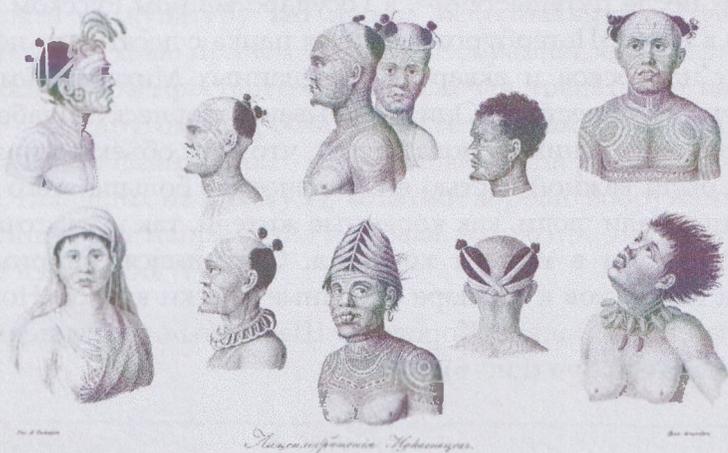


Рис. 5. Клаубер [И.С.], гравюра по рисунку В. Тилезиуса.
Лицеизображения нукагивцев¹⁴.

Крупнейшая русская океанийская экспедиция Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева строилась по модели экспедиции Крузенштерна. В 1819 году она должна была взять в Копенгагене, по пути в Океанию, двух европейских натуралистов, К. Мертенса и Г. Кунце. Однако, произошел сбой, который, в каком-то смысле, оказался благотворным для нее. Натуралисты не явились на корабль, и экспедиция осталась без европейских ученых. Вследствие этого все естественно-научные наблюдения были оставлены на усмотрение русского астронома Ивана Симонова, и, до некоторой степени, ее художника Павла Михайлова. Как кажется, тот факт, что за спиной Михайлова не стоял натуралист, – ни в физическом, ни в интеллектуальном плане, – давал ему больше свободы в выборе сюжетов своих рисунков и способов их презентации.

И здесь очень интересна генеалогия и анатомия творческого наследия Михайлова, созданного во время путешествия. Надо отметить, что наряду с широко извест-

ными гравюрами в атласе Беллинсгаузена, опубликованном после путешествия¹⁵, в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге хранится папка с десятками полевых набросков и акварелей, сделанных Михайловым во время путешествия. Они раскрывают творческую лабораторию художника и показывают, что хотя объекты природы были важной частью его творчества, больше всего его привлекали люди, как коренные жители, так и участники экспедиции в момент контакта. Сохранился, например, ряд набросков к гравюре «Военные пляски южной Новой Зеландии в заливе Королевы Шарлотты», посвященной встрече с маори (Рис. 6).



Рис. 6. Михайлов П. «Военные пляски южной Новой Зеландии в заливе Королевы Шарлотты», акварель. Государственный исторический музей, 23576ц И VII 53/33.

На одном из набросков Михайлов стремится запечатлеть мускулатуру тел маори, исполняющих ритуальный танец хака, причем он даже изображает характерные движения распростертых рук, включая трепетание пальцев¹⁶. На другом наброске – вместе с телами и трепещущими пальцами маори – он зарисовал лица русских моряков, глядящих на пляску; и, хотя они хорошо вооружены, в их лицах нет напряжения и страха, напротив, это выражение изумления (Рис. 7).



Рис. 7. Михайлов П. набросок к картине «Военные пляски южной Новой Зеландии в заливе Королевы Шарлотты», карандаш. Государственный Русский музей, Р-29140.

На третьем наброске схвачены движения ног – вперемышку маори и русских¹⁷. Очевидно, что Михайлова явно не заботит выписывание расовых типов, которое мы видели в таблицах Тилезиуса, напротив он увлечен кон-

тактом между двумя мирами, и люди, будь то маори или русские, для него едины.

Такая установка Михайлова интересна, поскольку, отправляясь в путешествие в качестве официального художника экспедиции, Михайлов получил четкие инструкции от Императорской Академии художеств. С одной стороны, ему вменялось в обязанность рисовать точно и только с натуры – «надобно сколько возможно избегать того, чтоб виденное дополнять или украшать воображением», говорилось в инструкции. С другой стороны, инструкция обращала внимание художника на отражение типического в изображении представителей разных народов: «В изображении разноплеменных народов надлежит Вам стараться списывать с них вернейшие портреты и сохранять в оных характер, свойственный каждому народу или племени, как в чертах и цвете лица, так и в соразмерности частей тела»¹⁸.

Очевидно, что на восприятие Михайлова влияла и общая установка отношения к «природным жителям» Тихоокеанских островов, складывавшаяся в то время в России. Здесь можно упомянуть, что перед отправлением экспедиции император Александр I принял командиров у себя во дворце и дал им наказ: он хотел, чтобы участники плавания «во время пребывания у просвещённых, равно и у диких народов, снискивали любовь и уважение; сколь можно дружелюбнее обходились с дикими народами и без самой крайности не употребляли огнестрельного оружия»¹⁹. Экспедиция должна была оставить добрую память о русских – в этом плане она может рассматриваться как первая дипломатическая миссия России в южной части Тихого океана.

Но в целом русские, живущие в многонациональной стране, довольно легко вступали в контакт с коренными народами и относились к ним, вероятно, с бóльшей сим-

патией, чем западноевропейские мореплаватели. Подтверждение этому можно найти в иллюстративном материале. Достаточно сравнить сцену обмена с маори на рисунке Михайлова (Рис. 6) с карикатурным изображением аналогичной сцены французского художника Виктора Данвина (Рис. 8).



Рис. 8. Данвин В. «Туземцы порта Кинг Джордж, получившие подарки», гравюра.

Отношение русских к коренным народам обычно было более инклюзивным. Мичману Дмитрию Завалишину, будущему декабристу, матросы доверили читать свои дневники во время плавания на «Крейсере» в 1823 году. Он отмечает: «Русский не презирает ни дикого, ни иноверца.... “Это так по их вере значит” или “это такая их нация (обычай)”, скажет бывало матрос, и без презрения и

насмешки смотрит на самые странные для него вещи, разве прибавит иногда только: "чудный народ, право чудный!"»²⁰. Судовой врач Н. Галкин, участник экспедиции Беллинсгаузена, описывая их контакты с островитянами острова Опаро возле Таити, оставил любопытное замечание: «Наши матросы нашли в них большое сходство со своими земляками: одного называли целовальником, другого збитенщиком, саечником и проч.». В Новой Зеландии, когда маори приходили на борт корабля для меня, матросы делились с ними едой, затем маори помогали матросам в их работе, и потом исполняли для них свои пляски и песни. «Матросы наши весьма хорошо их переняли, - писал Галкин, - и на шлюпе у южного полюса, где ежедневные опасности приводили душу в уныние, разве селяли иногда всех таким подражанием» и, стоя на вахтах, заворачивались в маорийские плащи, которые защищали их от холода, дождя и ветра²¹. Эта «открытость» русской природы, которая легко взаимодействует с разными народами, является важным аспектом успеха русских океанийских контактов.

Можно отметить еще один аспект умонастроений, царивших в обществе, который оказывал влияние на хужожника. «Разноплеменные народы» лучше всего воспринимались через формы, привычные и понятные европейскому обществу - через их вождей, одеяния, украшения, оружие, что и должен был прежде всего изображать хужожник. Например, в первом репортаже о возвращении экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в Кронштадт в 1821 году сообщалось, что, как только русские корабли встали на якорь, их посетили император Александр I и его жена. Очевидно, они ожидали зримых результатов экспе-

диции. Царской чете подарили тюльпаны Новой Голландии и другие раритеты, но главной экзотикой стал альбом Михайлова. Обсуждая его рисунки, репортер особо выделил «Завтрак Помари, короля Отаити». Безусловно, эта картина лучше всего подходила для развлечения императора, более того, репортер сообщил, что у Михайлова в альбоме был портрет дочери Помари, принцессы Аматеи, под которым Помари оставил свой автограф²². Этот рисунок действительно сохранился в архиве Михайлова²³. Такой контакт с таитянским обществом может рассматриваться как интересный пример протодипломатического контакта России с коренными народами Океании.

В гостях у Бангари

В контексте этих инструкций и ожиданий общества особенно интересно посмотреть на изображения австралийских аборигенов, сделанные Михайловым, т.к. их стиль жизни заметно отличался не только от европейского, но и от полинезийского.

Австралия оказалась первой землей Южных морей, куда зашла русская экспедиция. Шел 1820 год, и колония быстро развивалась под руководством губернатора Лаклана Макуори. Он пригласил русские корабли стать на якорь недалеко от Сиднейской бухты, вокруг которой и строился молодой город Сидней. Это было сделано в знак уважения к России, так как другие иностранные суда, даже французские, должны были стоять на якоре в Нейтральной бухте, подальше от города. Этот российский визит стал очень важной вехой в построении российско-австралийских отношений, и когда мы говорим об Австралии в этом контексте, мы обычно имеем в виду европейскую, колониальную Австралию. Однако в основе этих

отношений лежал и другой, не менее важный аспект, о котором Ф. Беллинсгаузен оставил запись в своем дневнике: «Около полудня на европейской неопрятной лодке с северного берега прибыло к нам семейство природных жителей ... Один из них имел на себе худые брюки английского матроза, на лбу повязку из шнурков, выкрашенных красною землею, на шее медную бляху, наподобие четверти луны, с надписью: Bongaree Chief of the Broken-Bay-Tribe 1815. ... Бонгаре представил нам свою жену, Матору, которая была полузакрыта байковым английским одеялом, а голова ее украшена зубами животного кангору. ... Бонгаре говорил, указывая на своих товарищей: "это мой народ"; потом, показывая на весь северный берег, сказал: "это мой берег". Я приказал дать им по стакану гроку, сахарей и масла, сколько съедят»²⁴.

Беллинсгаузен описал, – вероятно, не совсем понимая, что происходит, – очень важный момент в отношениях России с Австралией, не менее важный, чем приветствие губернатора Макуори. Русских встречали и приглашали в свою страну представители австралийских аборигенов, которые, хотя и были вытеснены с южного берега залива растущей колонией, все еще сохранили свое традиционное владение и управление землей над остальной частью залива. Более того, в этот же день несколько участников экспедиции высадились на северном берегу залива, на мысу Киррибилли, где сейчас находится резиденция премьер-министра, и один из лидеров групп аборигенов, живших там, по имени Буррабурра (или Бара-Бара), встретив астронома Симонова и его спутников на берегу, поприветствовал их, показал им свой лагерь, и пригласил их разбить лагерь по соседству с его стоянкой. Таким об-

разом, русские путешественники были включены в местный дипломатический протокол и отношения России с Австралией с самого начала строились не только по линии контактов с администрацией колонии, но и по линии контактов с традиционными владельцами земли.

Павел Михайлов сыграл очень важную роль в развитии этого контакта с коренными жителями. Он одним из первых высадился на северном берегу и начал делать набросок города. В этот момент к нему подошел Симонов со своим новым знакомым Буррабурра, и Михайлов попросил разрешения нарисовать его портрет. Буррабурра «с удовольствием согласился на предложение списать с него портрет: стоял как вкопанный в продолжение всей работы. По окончании оной посмотрел на свое изображение, и тотчас дал заметить, что он не в полном наряде был нарисован. Потом сыскал на земле палочку, продел ее сквозь среднюю преграду носа, и стал в прежнее положение: что и дополнено было на рисунке». Симонов пишет, что пока Михайлов рисовал, к ним стали подходить многие соотечественники Буррабурра, привлеченные любопытством²⁵. Процесс рисования стал здесь той волшебной палочкой, которая помогала невербальному общению и развитию контакта.

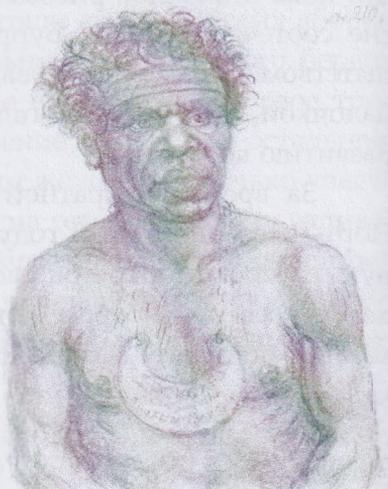
За время двукратной стоянки русских кораблей в Порт-Джеконе в 1820 году Михайлов создал превосходную галерею портретов австралийских аборигенов, живших на северном берегу залива. Характерно, что почти на каждом портрете указано имя позировавшего ему человека, очевидно, что для него каждый из них – личность со своим характером, к которому Михайлов испытывает симпатию и уважение (Рис. 9).



Рис. 9. Михайлов П. «Гаголби», уголь, сангина, мел.
Государственный Русский музей,
Р-29211.

Особенно это бросается в глаза в портрете Бангари (или Бунгари) (Рис. 10), которого также не раз изображали и местные сиднейские художники.

Рис. 10. Михайлов П. «Бунгари»,
уголь, сангина. Государственный
Русский музей, Р-29212.



В австралийских портретах присутствуют элементы карикатурности, Бангари неизменно изображается одетым в европейские обноски, с угрюмым лицом и тяжелым взглядом «дикаря», как, например, на портрете Чарльза Родиуса (Рис. 11). На портрете Симонова, напротив, мы видим человека, исполненного чувства собственного достоинства, который, несмотря на медную бляху повешенную ему на шею колониальной администрацией, отнюдь не выглядит маргиналом, живущим на задворках европейского поселения. Он – часть своей земли, своего народа. В то же время удивительное сходство этих рисунков подтверждает, что Михайлов был прекрасным художником-портретистом и отнюдь не «приукрашивал» действительность, от чего его предостерегали инструкции Академии художеств. Объяснение столь различного восприятия, вероятно, кроется в том, что Михайлов провел несколько

недель на мысу Киррибилли, который в то время стал известен как Русский мыс. Живя там, он находился в постоянном контакте с аборигенами, которые постепенно из чужаков превратились в его добрых знакомых.



KING BUNGAREE

CHIEF OF THE BROKEN-BAY TRIBE N.S. WALES.

DIED 1832.

Drawn from life 1831 and after. Title by Capt. Rodius.

Painted by H. Jackson. H. P. 1832.

Рис. 11. Родиус Ч.
Король Бангари.

Австралийские аборигены в их естественной среде обитания не могли соперничать с эффектными полинезийскими вождями. У них не было дворцов, и даже домов, у них не было одежды и украшений, и тем не менее Михайлов сумел передать гармонию их традиционного образа жизни. Это видно на его рисунках, которые не вошли в официальный Атлас, например женщины, сидящей на берегу залива у лодки (Рис. 12).



*Рис. 12. Михайлов П. «Лодка», карандаш, акварель.
Государственный Русский музей, Р-29279.*

В Атлас же была включена знаменитая гравюра «Жители Новой Голландии», изображающая группу аборигенов на фоне огромной хижины. И тут надо отметить, что участники русских экспедиций в своих описаниях аборигенов в один голос говорят, что слышали о том, что аборигены живут в шалашах из коры, и выражали сожаление, что самим им удалось увидеть лишь ветровые заносы из веток вокруг костров. Представление о доме как

средоточии человеческого бытия, человеческого общества, очевидно, было доминирующим в русском сознании. Действительно, жилья в этом благодатном краю у аборигенов не было, и Михайлову пришлось восполнить этот пробел при публикации Атласа. И хотя он понимал, что именно этот скалистый берег и прибрежные заросли и были подлинным домом аборигенов, он вынужден был построить свою знаменитую парадную композицию, объединив людей, которых он знал, и даже скопировав пару «экзотических» фигур аборигенов из Атласа французского путешественника Перона. Он рассадил эту искусственно созданную группу вокруг костра на фоне огромной хижины, которая в несколько раз превышает обычные ветровые засылы аборигенов (Рис. 13).



Рис. 13. Михайлов П. «Жители Новой Голландии»²⁶.

К счастью, архив полевых зарисовок художника сохранился, был частично опубликован Русским музеем и постепенно возвращается к потомкам аборигенов, которых когда-то изображал Михайлов, покоренный неброской красотой Австралии и ее коренных жителей.

¹ Н.П. Резанов – П.И. Кошелеву, 4 июля 1804 / Архив СПб отделения Института русской истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1163; *Левенштерн Е.* Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806) / под ред. А.В. Крузенштерна, О.М. Федоровой и Т.К. Шафрановской, пер. Т.К. Шафрановской. СПб: ЦКП ВМФ, 2003. С. 156.

² *Govor E.* Twelve Days at Nuku Hiva: Russian Encounters and Mutiny in the South Pacific. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010. 320 pp.

³ *Румянцев Н.П.* Инструкция, данная действительному камергеру Резанову, 10 (22) июля 1803 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1960. С. 491–497.

⁴ *Шемелин Ф.* Письмо Совету правления РАК, [декабрь] 1803 г. / Библиотека конгресса США, отдел рукописей, коллекция Юдина.

⁵ *Sondermann F.* Zeitgenössische Urteile über Nikolai Petrovich Resanov // Ronbun shu – chishi toshite no ryokō-ki: "Wakamiya-maru" to "Nadeshdago" no kiroku. Sendai: 2000. P. 74.

⁶ Резанов – Кошелеву, 4 июля 1804.

⁷ *Löwenstern H.L.* Anmerkungen, die ich zur Reise mit Capitain Krusenstern gemacht habe // *Rahvusarhiiv*, Tartu, EAA.1414.3.3. folio 93.

⁸ *Kankai ibun.* Свиток 7. Waseda University Library, Tokyo, 文庫08 A0202.

⁹ *Govor E.* Op. cit. Pp. 139–145.

¹⁰ *Левенштерн.* Указ. соч. С. 127.

¹¹ См. более детальное обсуждение этого аспекта в статье *Говор Е.В.* Глава 3. Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании // Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана / Отв. ред.-сост. Е.М. Астафьева, С.Е. Пале. М.: ИВ РАН, 2021. С. 57–95.

¹² *Коцебу О.* Атлас к путешествию лейтенанта Коцебу... [СПб.], [1821–1823]. С. 14.

¹³ Составлена лейтенантом Завалишиным / *Литке Ф.* Атлас к путешествию вокруг света шлюпа Сенявина... [СПб.], [1835]. Карта XXII.

¹⁴ *Крузенштерн [И.Ф.]* Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна. СПб, 1813. Таб. XV.

¹⁵ *Беллинсгаузен Ф.Ф.* Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном ледовитом океане и вокруг света в продолжении 1819, 1820, 1821 годов / Рис. с натуры П. Михайлова. СПб., 1831. 4 с., 64 л. ил., карт.

¹⁶ Государственный Русский музей, рисунки Павла Михайлова. Р-29139, Р-29142.

¹⁷ Государственный Русский музей... Р-29141.

¹⁸ Наставление по художественной части Императорской Академии художеств // Павел Михайлов, 1786–1840. Путешествия к Южному полюсу / [ред. И. Афанасьева]. СПб.: Palace ed.: ФГБУК «Гос. Русский музей», 2012. С. 114.

¹⁹ *Беллинсгаузен Ф.Ф.* Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах Востоке и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена командора шлюпа Востока. Шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев. Ч. 1. СПб.: тип. И. Глазунова, 1831. С. 42.

²⁰ *Завалишин Д.* Калифорния в 1824 году // Русский вестник. 1865. Т. 60. № 11. С. 337–338.

²¹ *Галкин [Н.]*. Письма [медико-хирурга] г. Галкина [к А.А. Иваненку] о плавании шлюпов Востока и Мирного в Тихом океане // Сын Отечества. № 49. Ч. 82. Санкт-Петербург: Тип-ия Н. Греча, 1822. С. 161, 107, 104.

²² [*Свиньин П.*]. Прибытие капитана Беллинсгаузена [sic] и лейтенанта Лазарева от Южного полюса // Отечественные записки. 1821. № 16. Ч. 7. С. 233–242.

²³ Государственный Русский музей... Р-29150.

²⁴ *Беллинсгаузен Ф.Ф.* Двукратные изыскания... Ч. 1. С. 245–246.

²⁵ [*Симонов И.*]. Письмо к * // Казанский вестник. 1829. Ч. 25. Кн. 1. С. 48–50.

²⁶ *Беллинсгаузен Ф.Ф.* Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена. Таб. 22.

Chapter 9. Social Reforms in New Zealand in the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries by the Russian Spectacles

About the author: Elena V. Rudnikova – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

The chapter examines the main options for the ideas of the Russians about social reforms in New Zealand in the late 19th – early 20th centuries. The focus is the reviews of citizens of the Russian Empire who actually visited this country before outbreak of World War I. The content of such representations is restored. The motivating reasons for such visits are characterized. There are at least three options for assessments: negative, neutral and positive. It is assumed that the assessment vector was closely related to the goals of visits and the circle of communication of Russians on New Zealand land, and in some cases with the details of their biographies.

Keywords: *Russia – New Zealand contacts, Russians in New Zealand before World War I.*

Chapter 10. The Role of Contact with the Peoples of Australia and Oceania in the History of Early Russian Expeditions

About the author: Elena V. Govor, PhD in History, Research scholar, College of Asia and Pacific, the Australian National University, Canberra, Australia. E-mail: elena.govor@anu.edu.au.

This chapter examines the impact of contacts with the indigenous people of Australia and Oceania on the perception and behaviour of participants of the Russian expeditions in the first third of the 19th century. This little-studied aspect of Russian circumnavigations is explored through the lens of several Russian expeditions. Among the case studies is the revolt of

the participants of I. Krusenstern and U. Lisiansky expedition against the titular head of the expedition N. Rezanov on the island of Nuku Hiva, where the Nukuhivan entourage could influence the expedition participants. Another is the impact of local contacts on naming patterns for newly discovered islands; it is considered on the example of the expeditions of O. Kotzebue and F. Lütke. Finally, the chapter analyzes the artistic legacy of P. Mikhailov, artist of F. Bellinshausen's expedition, in the context of his instructions, social expectations and his own contacts with the indigenous peoples of Australia and New Zealand.

Keywords: *contacts, perceptions, Russian expeditions, Oceania, Australia.*

Chapter 11. The First Russian Circumnavigations of the Early 19th Century and the Exploration of Oceania

About the author: Sophia E. Pale – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: sophiapale@yandex.ru.

This chapter reviews how the *Atlas of the South Sea* (better known outside Russia as *Atlas de l'Océan Pacifique*) was drawn up by I.F. (Adam) Kruzenshtern in the first decades of the 19th century and how much effort it took to implement this task for the following scientific circumnavigations headed by M.V. Golovnin, O.E. Kotzebue, F.F. Bellingshausen & M.P. Lazarev, and F.P. Litke that explored the South Pacific.

Keywords: *the first scientific circumnavigations, the early 19th century, Russian navigators, Oceania.*